

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 94(47).04

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-4-0-8

Пенской В. В.

«РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА»:
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОЧИТАННОЙ КНИГОЙ...¹

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород 308015, Россия; *penskoy@bsu.edu.ru*

Аннотация. Статья представляет собой вторую часть рецензии на вышедшую в 2018 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» работу известного российского историка М.М. Крома «Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков». Написанная в научно-популярном ключе, эта книга посвящена проблемам формирования и последующего развития раннемодеิร์น Русского государства, которые автор «Рождения государства» рассматривает в широком историческом и географическом контексте. Проанализировав основные аспекты государственного строительства в России в эту эпоху, М.М. Кром приходит к выводу, что Русское государство раннего Нового времени развивалось в целом в том же направлении, что и его западноевропейские соседи, но с определенными отличиями, продиктованными региональными особенностями. Поддерживая выводы автора книги и подчеркивая ее новаторский характер, автор рецензии вместе с тем обращает внимание на ряд спорных и дискуссионных мест в ней.

Ключевые слова: государство раннего Нового времени; Россия; Иван III; Иван Грозный

Для цитирования: Пенской В.В. «Рождение государства»: размышления над прочитанной книгой... // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 4. С. 86-99. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-4-0-8

V. V. Penskoj

“THE BIRTH OF THE STATE”: REFLECTIONS
ON THE BOOK...

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia;
penskoy@bsu.edu.ru

Abstract: This article is the 2nd part of a review of the work of famous Russian historian Mikhail Krom, "The birth of the state: the Moscow Rus of 15-16th centuries",

¹ *Окончание.* Начало см.: Пенской В.В. «Рождение государства»: размышления над прочитанной книгой... // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 51–72. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-7.

published in 2018 by "The New Literary Review" Publishing House. This book is written in the popular scientific style and is devoted to the problems of the formation and subsequent development of the early modern Russian state. The author of "The Birth of the State" considers these problems in a broad historical and geographical context. As a result of the analysis of the main aspects of state building in Russia in this era, M. Krom comes to the conclusion that the Russian state of the early New Age was developing in the same direction with its West European neighbors. However, this development retained certain differences. They were due to regional characteristics. The reviewer supports the conclusions of the author of the book and emphasizes its innovative character. However, he draws attention to a number of controversial and debatable places in it.

Keywords: Early Modern State; Russia; Ivan III; Ivan the Terrible

For citation: Penskoj, V. V. (2019), "The birth of the state': reflections on the book...", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (4), 86-99, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-4-0-8

Часть 2-я

В предыдущей части нашей рецензии мы рассмотрели основные положения первых трех глав «Рождения государства». Теперь речь пойдет об остальных главах.

Четвертая глава исследования М.М. Крома посвящена еще одной важной и дискуссионной проблеме – явилось ли раннемодерное Русское государство наследником Золотой Орды, или же в основе его лежал византийский опыт государственного строительства. Эта дискуссия длится не одно десятилетие, и сторонники как одной, так и другой версии стараются изыскать всё новые и новые аргументы в пользу своей точки зрения. Сам М.М. Кром подвергает «монгольскую» версию жесткой критике, указывая, что «представления о Московском государстве как о "втором издании" Золотой Орды не находят опоры в имеющихся источниках» (Кром, 2018: 97). Конечно, продолжает автор «Рождения государства», определенные следы ордынских заимствований в раннемодерной русской административной и налоговой, тем более военной, практике можно отыскать, но они претерпели серьезные изменения в ходе их адаптации к русской практике (см.: Кром, 2018: 99-101). Однако и византийские образцы в чистом виде не прижились на русской почве. Вывод, который делает автор из

своих наблюдений, заключается в том, что «Московское государство не было подобием ни Золотой Орды, ни Византии; московские великие князья и цари не претендовали на наследие хана Батыя или императора Константина». В целом же, продолжает М.М. Кром свою мысль, «иноземных влияний в Московском государстве было много, но ни одно из них не определяло в целом его развития», и в итоге «внешние заимствования накладывались на местную основу, образуя причудливую амальгаму» (Кром, 2018: 104-105). И с таким выводом трудно не согласиться.

Отдельная глава «Рождения государства» посвящена имперскому дипломату и мемуаристу С. Герберштейну, дважды в правление Василия III, сына и преемника Ивана III, посетившему загадочную Московию. Его записки о пребывании в России вышли существенно позже, спустя почти четверть века после того, как Герберштейн вернулся в Империю, однако до сих пор считаются одним из важнейших источников по истории Русского государства и общества первой четверти XVI в. Влияние сочинения Герберштейна на всю последующую *Rossica* трудно не заметить, – на этот момент и указывает М.М. Кром (см.: Кром, 2018: 108), – поэтому обращение к этому сюжету можно только приветствовать.

Подчеркивая противоречивость и неоднозначность свидетельств Герберштейна, в которых правда смешана, порой в причудливых формах, с вымыслом и очевидной предвзятостью, автор «Рождения государства» ставит важную проблему, суть которой, по его словам, «заключается в отсутствии институциональных ограничений монаршего произвола». По мнению историка, в Западной Европе раннего Нового времени «каким бы жестоким и властолюбивым ни был тот или иной король, но во многих европейских странах он был вынужден считаться с законами, с привилегиями тех или иных провинций (как в Испании), с парламентом (как это было в Англии) или Сеймом (как в Польше и Литве)». Там же, где этого не было, «королевский произвол наталкивался на сопротивление высших сословий» (Кром, 2018: 118). В России же, по мнению М.М. Крома, власть государя не была ограничена ни законом, ни каким-либо учреждением, ни аристократией, и «единственным ограничителем государевой воли выступали нормы христианского благочестия и позиция главы Русской церкви – митрополита Московского и всея Руси, пользовавшегося старинным правом “печалования” за опальных» (Кром, 2018: 119). Этого же, считает исследователь, было явно недостаточно для реального ограничения власти монарха.

Позволим себе не согласиться со столь категоричным утверждением М.М. Крома. Безусловно, некоей «конституции» (или иных законов/закона), которая бы ограничила полномочия государя, в раннемодерной России не было. Но, положив руку на сердце, спросим себя – мог ли закон человеческий ограничить самовластие монарха, если его не мог ограничить закон Божий? Если монарх мог с легкостью преступить закон Божий, то что остановило бы его, если он решил нарушить какие-либо людские установления? И в этом смысле традиция, обычай были более сильными ограничителями власти государя, нежели какие-либо законы, «хартии» и

«конституции». Не стоит забывать о том, что московское общество раннего Нового времени было весьма и весьма консервативным, и всякое отклонение от «старинных», мягко говоря, им не приветствовалось (судьба церковной реформы, затеянной патриархом Никоном, яркий тому пример). Говоря об «естественном» ограничении власти монарха, стоит принять во внимание тезис, высказанный Н. Коллманн. Она отмечала, что в раннемодерных государствах с их слабо развитой инфраструктурой власти легитимность последней, а значит, и ее устойчивость и способность достигать своих целей, определялась поддержкой снизу. В России того времени, продолжала она, «каким бы могущественным ни считался царь, законность его власти зиждилась на представлениях народа о его благочестии, справедливости, милости к бедным и умении слышать свой народ» (Коллманн, 2016: 487).

Несоответствие этим требованиям грозило верховной власти, персонифицированной в образе монарха, серьезными неприятностями, и этот «царский» «дискурс», выработанный церковными писателями и прочно утвердившийся в массовом народном сознании, существенно ограничивал власть царя. Другое дело, что иностранные наблюдатели, слабо погруженные в хитросплетения московской политической кухни, не замечали этих неписаных «законов» политической жизни русского социума. Нет законов, нет «конституции», нет парламента, нет собрания аристократии – значит, у московитов налицо тирания и деспотия, никем и ничем не ограниченная. Официальные декларации московских государей и их претензии на самодержавие они принимали за чистую монету, тогда как реальность была намного сложнее. И говоря о «безудержном произволе, деспотизме и насилии», в которые скатился Иван Грозный, стоило бы всё-таки задаться вопросом – если они присутствовали в таких масштабах, как это принято считать в рамках «черной легенды» о первом русском царе, то почему, в таком случае, по-

сле московских волнений лета 1547 г. до самого конца правления Ивана Грозного мы не видим больше подобных массовых выступлений? Ведь одной из первостепенных причин волнений лета 1547 г. в столице как раз и было пренебрежение своими царскими обязанностями со стороны молодого царя, следовательно, всё, что происходило потом, оправдывалось пресловутым «царским» «дискурсом» и находило массовую поддержку (случайно ли Иван обратился к московским посадским людям, учреждая опричнину?).

Шестая глава «Рождения государства» «Бюрократизация управления. Формирование приказов» является, на наш взгляд, одной из важнейших и системообразующих в книге и в той новой концепции формирования Русского государства, которую предлагает М.М. Кром. Бюрократизацию управления и «формирование постоянных и безличных структур управления» государством М.М. Кром вслед за многими другими исследователями считает «родовой чертой государств Нового времени» (Кром, 2018: 121), и в этой главе историк развивает идеи, высказанные им ранее в других своих работах. Наиболее значительной из них по праву можно считать «Вдовствующее царство», один из разделов которой посвящен как раз особенностям функционирования нарождающейся московской бюрократии в годы пресловутого «боярского правления» при юном Иване IV (см.: Кром, 2010: 364-400, 440-509).

Характеризуя «будни власти» в государстве Ивана III, его сына и внука, М.М. Кром исходит из того, что приказная система «прорастает» сквозь структуры дворцового ведомства². «Прообразом государственных структур в Московии, – пишет он, – стали службы, управлявшие княжеским хозяйством» (Кром, 2018: 122). Генеральным принципом функционирова-

ния московской бюрократии, отмечал дальше исследователь, стало стремление вывести государя за рамки обычного административного или судебного процесса (впрочем, М.М. Кром указывал на то, что в русской практике того времени смешение двух этих функций было обычным делом). «Судебно-административный аппарат должен был работать в автономном режиме», – подчеркивал он, отмечая общность принципов работы бюрократического аппарата в России в эпоху раннего Нового времени и в государствах Западной Европы той эпохи. При этом московской особенностью было то, что даже важнейшие документы заверялись не личной подписью государя, но его печатью. «Таким образом, – резюмировал автор «Рождения государства», – с технической точки зрения участие монарха в выдаче официальных документов вовсе не требовалось» (Кром, 2018: 127).

Касаясь особенностей формирования московского приказного «чина», М.М. Кром отмечал, что, в отличие от Западной Европы, московские бюрократы раннего Нового времени были сугубыми практиками, а не теоретиками и дипломированными юристами-знатоками римского и обычного права (легистами). При этом «судьба дьячества в Московской Руси – это яркий пример восходящей мобильности, проявлявшейся и в увеличении численности этой группы канцелярских служащих, и в повышении их статуса» (Кром, 2018: 131). От княжеских министерялов до могущественных царских «верников» – таким был путь московского дьячества в «долгий XVI век». Однако, отмечая численный рост приказного «чина», М.М. Кром подчеркивает его немногочисленность, отмечая, что в этом отношении Русское государство было схожим с монархией Тюдоров. Отсюда историк делает любопытный вывод. «Слабое развитие бюрократии в обеих странах компенсировалось активным вовлечением местного населения (особенно дворянства) в управление государством», – пишет он (Кром,

² Обзор существующих мнений в отечественной историографии относительно происхождения приказов см., напр.: Лисейцев, Рогожин, Эскин, 2015: 7-14.

2018: 133-134). Нет ли здесь противоречия с прежним утверждением автора относительно отсутствия ограничений монаршей власти как неперемного условия скатывания самодержавия в неограниченный деспотизм и безудержный произвол?

Седьмой главе под названием «Царство Ивана Грозного» в «Рождении государства» отведено места больше, чем какой-либо другой. Впрочем, это и немудрено, ибо титаническая фигура Ивана Грозного отбрасывает свою тень практически на весь русский XVI век и на вторую его половину особенно. Долгое правление Ивана IV (а оно длилось больше полустолетия, если считать время от смерти его отца Василия III в конце 1533 г., до смерти самого Ивана в 1584 г.). Понятно, что столь насыщенная событиями эпоха не может быть помещена в рамки одной главы в небольшой книге, и автору пришлось выбирать те сюжеты из истории первого русского царя, какие, на его взгляд, являлись важнейшими.

Прежде всего автор «Рождения государства» анализирует события времен боярского правления и ту роль, которую играл в них малолетний государь. На наш взгляд, наиболее важный момент в этом сюжете – выделенная автором одна из важнейших функций правителя в ту эпоху, когда, в силу слабости «жил власти», роль личности монарха была еще чрезвычайно высока. Среди прочих прерогатив государя М.М. Кром выделил одну, «которую мог выполнять только взрослый и дееспособный государь», а именно, контроль над придворной элитой (Кром, 2018: 142). По мнению автора, к 30-м годам XVI в. значение этой функции монарха возросло особенно, если принять во внимание крайне неоднородный состав русской аристократии того времени. «Расколота взаимной враждой придворная аристократия остро нуждалась в верховном арбитре, каковым никак не мог быть ребенок на троне» (Кром, 2018: 142-143). Развивая свой тезис дальше, М.М. Кром отмечает, что «малолетний наследник не мог держать при-

дворную элиту в узде» и, как результат, при отсутствии официально признанного регентства, эта ситуация вела «к длительной политической нестабильности и частым вспышкам насилия» (Кром, 2018: 143).

Соглашаясь с подобным описанием ситуации при дворе, сложившейся в эпоху пресловутого «боярского правления», всё-таки не согласимся с уважаемым автором «Рождения государства» в одном аспекте. Безусловно, если бы существовал некий закон, который официально установил бы регентство и четко очертил круг его обязанностей и прав, это было бы весьма неплохо. Однако стало бы наличие официального регентства эффективным противодействием от вспышки борьбы за власть и насилия при государевом дворе? Исследователь ссылается на пример Франции, где порядок управления королевством при малолетнем монархе как будто был отработан, в том числе и в законодательном порядке. Однако воспрепятствовал ли этот узаконенный порядок управления началу той же самой Фронды при юном Людовике XIV? Закон сам по себе ничего не представляет, это просто лист бумаги, но если за ним стоит реальная сила, способная заставить остальных выполнять требования, изложенные на этом листе бумаги, тогда закон становится действительно законом, а не фикцией. Так и в нашем случае – проблема заключалась не в том, что отсутствовал узаконенный порядок правления «вдовствующим царством» при малолетнем государе, а в том, что после неожиданной смерти матери великого князя ни одна придворная группировка, ни один боярский клан не обладал должной силой, влиянием и авторитетом для того, чтобы навязать свою волю остальным и заставить их подчиниться этой воле. Именно в этом, на наш взгляд, а не в отсутствии писаного закона заключалась пресловутая «ахиллеса пята» самодержавия, о которой пишет М.М. Кром.

И еще один момент, на который стоило бы обратить внимание в этом и подоб-

ных случаях. Московское общество (вслед за «древнерусским») не испытало, по замечанию В.М. Живова, «римской прививки» (Живов, 2002: 296). Видимо, это сыграло решающую роль в том, что в русском обществе светская письменность подвергалась замедленной институционализации и, по замечанию С. Франклина, очень долго не мог сложиться светский орган управления, «чей авторитет и функционирование основывались бы на письменных предписаниях и операциях». Развивая свой тезис далее, британский исследователь писал о том, что это обстоятельство «указывает на устойчивость традиционных социальных отношений, на осознанную обществу функциональную адекватность традиционных способов поведения без участия письменности, на самодостаточность традиции» (Франклин, 2010: 475-476). Принимая эти тезисы (и памятуя о «холодности» московского раннемодерного общества), можно сделать очевидный вывод – необходимости в строгой регламентации посредством некоего писаного закона порядка управления при малолетнем государе московская элита не испытывала, тем более что для нее эта ситуация отнюдь не была новостью. Другое дело, что система дала сбой, но этот сбой был вызван не органическим ее пороком («ахиллесовой пятой»), а конкретно-историческими условиями, которые сложились к исходу 30-х гг. XVI в.

Вместе с тем нельзя не упомянуть об одном любопытном и важном наблюдении, которое сделал М.М. Кром еще в процессе написания «Вдовствующего царства» и которое он повторил еще раз в «Рождении государства». «Политический кризис 30–40-х годов XVI века не привел к параличу государственного управления: основные службы и ведомства работали исправно», и эта отмеченная уже в который раз исследователем автономия складывающегося приказного аппарата обусловила сохранение управляемости государством даже несмотря на политические бури, которые бушевали на московском политическом

Олимпе в эти годы (см.: Кром, 2010: 427-428; Кром, 2018: 143-144). Правда, и здесь есть один нюанс: М.М. Кром пишет о том, что эта автономия приказного аппарата как составная часть стратегии деперсонализации власти способствовала сохранению государства в годы Смуты. Отчасти это так, но всё же здесь мы выдвинули бы на первую роль органы земского самоуправления, поскольку вся история Смутного времени от появления самозванца до взятия Москвы поляками есть история деградации и разрушения верховной власти и вместе с ней приказного аппарата. Не автономия приказной бюрократии спасла страну и государство, но земское самоуправление, которое, впрочем, получило реальный опыт участия в государственных делах и управления страной именно в эпоху Ивана Грозного.

Следующая проблема, которую поднимает М.М. Кром в этой главе, – это вопрос о первых земских соборах. Подробно разбирая этот вопрос, историк приходит к выводу, что московские «земские» соборы времен «долгого XVI века» – явление, в общем и в целом находящееся в общеевропейском русле развития представительных учреждений. «На этом фоне (который включает в себя, как отмечает М.М. Кром, не только английский парламент, французские Генеральные штаты или сейм Речи Посполитой, но и другие подобного рода учреждения в других странах Европы. – В.П.) отнюдь не выглядят каким-то экзотическим явлением, обнаруживая уже на ранней стадии своего развития ряд характерных “familial” черт», – указывает исследователь (Кром, 2018: 157). В описании М.М. Крома русские «земские» соборы – живой, развивающийся и изменяющийся социально-политический организм, к которому нельзя подходить с мерками более поздних времен, как это сделал и за что был подвергнут критике со стороны автора «Рождения государства» В.О. Ключевский. Для М.М. Крома «земские» соборы – «одна из примет возникающего современного государства, которое

строилось не только “сверху”, но и “снизу”» (Кром, 2018: 159), и этот вывод нам весьма и весьма импонирует, ибо целиком и полностью совпадает с нашим мнением относительно природы раннемодерного Русского государства.

Отдельной строкой в главе проходит сюжет со знаменитым «Царским» Судебником 1550 г. Историю его создания автор увязывает с проблемой пресловутых «реформ» так называемой «Избранной Рады»³. Почему «пресловутые»? Автор «Рождения государства» считает (и эта его позиция была озвучена давно (см., напр.: Кром, 2005, 2009), что термин «реформы» в привычном для нас понимании неприменим для эпох Ивана III и Ивана IV. Историк доказывает (и мы с ним согласны в этом), что «идеалы царя (Ивана Грозного. – В.П.) и его советников сугубо консервативны и пронизаны христианской моралью», а раз так, то сами реформы как изменение старины были исключены. «Новое допускалось лишь под видом “возврата” к обычаям предков и путем постоянного изменения (“исправления”) сложившегося порядка», – завершает свой тезис М.М. Кром (Кром, 2018: 162). Как итог, отмечает исследователь, «оглядка на старину и неразвитость бюрократического аппарата делали преобразования в царстве Ивана Грозного очень непохожими на привычные для нас реформы XIX–XX веков» (Кром, 2018: 163). В этой фразе, на наш взгляд, всё же стоит расставить акценты иначе. Оглядка на старину была вынужденной, но, если так можно выразиться, на подсознательном уровне. Само московское общество, ориентированное на «старину», было главным препятствием на пути безоглядного, в духе Петра I, реформаторства, ибо в условиях, когда «мускулатура» власти еще не накачена в должной степени, успех ее деятельности во многом

предопределялся позицией общества и его ожиданиями. И если общество настроено против «новин», то как можно их устроить, не рискуя утратить в глазах «земли» свою легитимность? И потом, Иван Грозный (в отличие от Петра I) получил традиционное воспитание и образование, которые были ориентированы на воспроизводство «старины», и трудно ожидать от него решительных шагов по ее слому, тем более в той напряженной социально-политической и экономической ситуации, которая сложилась в Русской земле к началу 50-х гг. XVI в.⁴

Тем не менее, несмотря на отрицательное отношение к переменам, нельзя сказать, что никаких изменений не происходило, и М.М. Кром пишет об этом. Результатом этих медленных, постепенных перемен становится то, что «к концу XVI столетия система управления Русского государства сочетала в себе элементы выборов (на местах) и бюрократию (в центре)». В этом отношении Россия той эпохи, снова подчеркивает историк, была схожа с Англией, ибо «при сравнительно немногочисленном чиновничестве (большая его часть была сосредоточена в Лондоне) многие важные управленческие функции выполняло провинциальное дворянство (джентри), не получавшее коронного жалованья» (Кром, 2018: 167).

Завершает эту главу сюжет об опричнине. Мимо этого загадочного явления не может пройти ни один историк, повествующий об эпохе Ивана Грозного, и М.М. Кром не стал исключением в этом ряду. В своих оценках феномена опричнины исследователь вполне традиционен, расценивая ее как своего рода «вывих» в нормальном течении русской политической государственной жизни и полагая

³ «Некоторые историки сомневаются в правительственной роли “Избранной рады”», – пишет М.М. Кром (Кром, 2018: 159), намекая на работу известного историка А.И. Филлюшкина (Филлюшкин, 1998).

⁴ Характерно отношение к «новинам» у западного соседа Русского государства – Великого княжества Литовского. Верховная власть в лице великих князей официально и не раз подтверждала, что она не намерена изменять что-либо в устоявшихся порядках, «бо мы никому не волим новин уводитьи, а старыны рушыти» (Историко-юридические материалы, 1871: 231).

опричнину виновницей едва ли не всех последующих бед и несчастий, постигших Русское государство в конце XVI – начале XVII вв. При этом, критикуя Ивана Грозного за деспотизм и опричный пресловутый «массовый» террор, автор «Рождения государства» не замечает противоречий в своих построениях. Как сочетать, к примеру, этот самый «массовый террор» с тем, что, несмотря на репрессии, государственный аппарат продолжал работать без сбоев, о чем пишет сам исследователь? (Кром, 2018: 171-172)⁵. В таком случае, быть может, ближе всех подошел к пониманию сути феномена опричнины В.О. Ключевский, который писал, что опричнина «была направлена против лиц, а не против порядка» (Ключевский, 1987: 172)⁶? В итоге, оставшись в рамках традиционного либерального «опричного» «дискурса», исследователь, несмотря на сделанные любопытные наблюдения, не смог внести ничего нового или дискуссионного в обсуждение опричного феномена. Пожалуй, этот раздел во всей книге можно оценить как наиболее слабый, смотрящийся чужеродным вкраплением в ткань исследования.

Восьмая глава «Рождения государства» касается проблемы финансов Русского раннемодерного государства. Тема эта совсем не избитая, тем более в таком ракурсе, в каком рассматривается история развития русской государственности в раннее Новое время автором книги. Выделим важнейшие, на наш взгляд, тезисы, озвученные М.М. Кромом в этом разделе

⁵ Исследовавшие проблемы организации земского самоуправления при Иване Грозном В.В. Бовыкин и В.А. Аракчеев пришли к выводу, что введение опричнины вовсе не привело к его ликвидации даже во Пскове и Новгороде, напротив, оно продолжало успешно функционировать. «Опричнина не была абсолютной антитезой «земле», – отмечал В.А. Аракчеев (см.: Аракчеев, 2014: 368; Бовыкин, 2012: 376).

⁶ Кстати, о лицах и порядках. Малоизвестный факт – в 1573 г. Иван Грозный пожаловал в удел сыну казненного по обвинению в измене удельного князя Владимира Старицкого Василию Дмитриевичу «отца его город Дмитров» (Тихомиров, 1941: 92).

его исследования. Прежде всего историк подчеркивает, что во времена Ивана Грозного, да и много позднее, едва ли кто-либо мог назвать точную сумму доходов царской казны, и не в последнюю очередь потому, что в слабо монетизированной экономике России той эпохи богатства накапливались не только и не столько в денежной форме, сколько в натуральном исчислении, и истинным фундаментом государства была земля, значительный земельный фонд, которым располагала верховная власть (Кром, 2018: 182-183). Второй тезис: несмотря на общую архаичность русской финансовой системы, коммутация натуральных повинностей в денежные со второй половины XVI в. наметилась более чем явственно (и за счет этой коммутации рост налогового бремени выглядит впечатляющим и устрашающим), причем эта тенденция была связана в первую очередь с ростом военных расходов (что и немудрено – Русское государство, вступив на тропу «пороховой революции», втянулось в весьма дорогостоящий процесс гонки вооружений и военных технологий) (см.: Кром, 2018: 184). Третий аспект проблемы – двойственная политика «правительства» в вопросах налоговых привилегий, связанная с проблемой закрепощения, – в интересах казны и служилого «чина» власти в конце XVI в. пошли на непопулярный, но вынужденный шаг в интересах служилых людей, а именно, ограничения права на свободу перемещений посадских людей и крестьян. При этом автор исследования справедливо подчеркивает, что эта мера носила в значительной степени декларативный характер, поскольку специальной государственной службы по сыску беглых и их возврату на прежние места не было, и истцы должны были сами разыскивать беглецов и через суд добиваться их водворения туда, откуда они ушли раньше (Кром, 2018: 187-188).

В девятой главе М.М Кром рассматривает проблемы формирования новой государственной идеологии. Прежде всего автор «Рождения государства», обращаясь

к писаниям церковных писателей и идеологов, обращает внимание на идею, красной нитью проходящую через них, – идею особой ответственности царя за православное Русское государство и православный же народ, врученный ему от Бога. Касаясь этой темы, автор снова подчеркивает, что Иван Грозный и его опричнина – своего рода аномалия в нормальном ходе развития русской истории, попытка установить деспотическое правление, никем и ничем не ограниченное (в том числе и моральным авторитетом Церкви и ее иерархов) (Кром, 2018: 198). Но здесь есть одно «но», которое, как нам представляется, не учел в своих рассуждениях исследователь. В предыдущей главе об опричнине автор упоминал о тезисе А.Л. Юрганова, который обратил внимание на религиозные и эсхатологические аспекты феномена опричнины (Кром, 2018: 172. См. также: Юрганов, 2003: 68-115). Если совместить этот тезис с теми идеями, на которых воспитывался Иван Грозный и добавить к этому византийское наследие (а Иван Грозный, в отличие от своего отца и деда, был весьма начитанным человеком), то картина Иванова «деспотизма» выглядит несколько иначе. Если он как православный государь несет всю полноту ответственности за происходящее в его государстве, то как он может бороться с явными нарушениями установленного Господом порядка, если у него связаны руки? И кем – теми же церковными иерархами, которые сами нечисты на руку, сребролюбивы, лживы и лицемерны? Если обратиться к посланиям Ивана Грозного, то в них четко и недвусмысленно просматривается позиция царя – он отвечает за свои (и не только за свои, но и за врученных ему от Бога подвластных) деяния только перед Богом, перед Божьим судом, но не перед судом людским⁷.

⁷ «Аз же убо верою, от всех своих прегрешениих вольных и невольных суд прияти ми, яко рабу, и не токмо о своих, но подвластных дати ми ответ, аще что моим несмотрением погрешитца» (Послания Ивана Грозного, 2005: 50-51).

Касаясь далее «вотчинной» идеологии, которую де проповедовал Иван Грозный, М.М. Кром упоминает знаменитую фразу царя о том, что русские государи «жаловати есмь своих холопей вольны, а и казнити вольны же» (Послания Ивана Грозного, 2005: 30). Однако только ли Иван так думал? О своем праве казнить и миловать свою братию заявлял за почти полтора года до Ивана великий тверской князь Борис Александрович в докончании⁸ с великим князем литовским Витовтом (Духовные и договорные грамоты, 1950: 62), а верный слуга князя Курбского, его урядник Иван Келемет вопрошал: «Разве пану не вольно наказывать подданных своих, не только тюрьмою или другим каким нибудь наказанием, но даже и смертию?» (Иванишев, 1849: 4). Так что по всему выходит, что здесь всё не так однозначно, как может показаться на первый взгляд, и слова Ивана Грозного лишь отражают общее мнение, распространенное в русской элите (да и только ли в ней одной – разве в «Домострое» отношения внутри семьи построены не по тому же принципу?). И рассуждая далее о царской «тирании» как о сплошном беззаконии, о том, что опальный мог лишиться имущества и самой жизни, но прежде ему должно было сказать о его установленных в ходе судебного разбирательства винах перед государем, от каковой формальности отказался во время опричного террора царь (Кром, 2018: 206-207), не слишком ли поспешен автор «Рождения государства» в столь категоричных выводах? Во всяком случае, дьяк Федор Мишуриин был убит во время боярского правления без какого-либо разбирательства, равно как боярин князь Иван Бельский был тогда же арестован и уморен в темнице аналогично, без какого-либо суда и следствия. А вот новгородский опричный погром 1570 г. сопровождался грандиозным сыском, и должествующий этому казусу статейным списком о новгородском «сыском и измен-

⁸ Докончания – княжеские договоры в средневековой Руси. – Прим. ред.

ном деле» был спасен из огня московского пожара 1626 г., о чем сохранилась и соответствующая выписка (Духовные и договорные грамоты, 1950: 480. Ср.: Описи, 1960: 44). Выходит, что в своей «тирании» Иван Грозный соблюдал предписанные традицией юридические процедуры? Но в таком случае можно ли это считать тиранией, или же перед нами продолжение линии на «собрание власти»?

Отдельный раздел в этой главе М.М. Кром посвятил проблеме «общего блага» в Русском государстве XVI в. Проблема этой автор «Рождения государства» уже касался в своей публикации 2005 года (см.: Кром, 2005), а теперь вернулся к ней снова. Изучая процесс возникновения и последующей эволюции формулы «дело государево и земское», автор книги приходит к выводу, что середина XVI века стала важной вехой в развитии новой идеологии. «Созыв первых соборов и формирование понятия о “великих земских делах” отражали начавшийся переход патримониальной монархии “царской вотчины”) к раннемодевному государству» (Кром, 2018: 217). Правда, в этом сюжете мы не согласимся с автором в трактовке пассажа из летописного известия об учреждении опричнины – там, где речь идет о разделении сфер компетенции между земскими властями и опричными (см., напр.: Продолжение Александро-Невской летописи, 2009: 344-345). Из контекста летописного известия явственно следует, что наряду с обычной административной «текучкой», которой докучать царю не следовало, были и «великие земские дела», поставленные в один ряд с делами ратными, – их-то выпускать из-под своего контроля царь был отнюдь не намерен. И этот пассаж из указа об учреждении опричнины следует рассматривать скорее, используя терминологию автора, в разделе о деперсонификации власти, там, где говорится о передаче реальной власти в руки административно-бюрократического аппарата.

Последняя глава исследования посвящена формированию государственного

патриотизма в раннемодевной России. В начале ее М.М. Кром вспоминает о тезисе, выдвинутом Дж. Стрейером, который писал, что одним из признаков современного государства является «перенос лояльности с семьи, местного сообщества или религиозной организации на государство и обретение государством морального авторитета через поддержку его институциональных структур и признание его юридического верховенства». В конце этого процесса, продолжал Дж. Стрейер, «подданные принимают идею, что интересы государства должны доминировать и что сохранение государства является высшим социальным благом» (Strayer, 1970: 9). Придерживаясь озвученного американским историком принципа постепенной кристаллизации лояльности, М.М. Кром рассматривает рождение государственного патриотизма как длительный процесс, который уходил своими корнями во вторую половину XV века, время становления Русского раннемодевного государства, а свое логическое завершение получил в годину Смуты. «Именно тогда, в эпоху Смуты, родился государственный патриотизм и появились патриоты – “доброхотящие Российскому царству”, как их называет автор “Новой повести”», – пишет в заключении к этой небольшой главе М.М. Кром (Кром, 2018: 232).

И теперь обратимся к последнему разделу книги, который автор назвал «Московское царство как государство раннего Нового времени», добавив к этому в скобках – «Вместо заключения». Выделим те важнейшие позиции, тезисы, которые характеризуют авторскую концепцию возникновения и последующего развития Русского раннемодевного государства. Первый этап его формирования автор связывает с эпохой Ивана III, когда, по его мнению, отчетливо проявились такие важные признаки государства нового типа, как суверенитет, общие законы и государственные границы (Кром, 2018: 233). Следующий этап связан с 50–60-ми годами XVI века, когда, с одной стороны, оформ-

ляется приказной аппарат, а с другой, были созваны первые «земские соборы». Складывание приказной системы, считает автор «Рождения государства», означал, что в России явственно проступила одна из важнейших черт раннемодечного государства – деперсонализация власти и постепенный переход государственного аппарата в режим автономной работы. Созывы же соборов вели к расширению сферы публичной политики и вовлечению в процессы государственного строительства не только узкого круга придворной аристократии и высшего духовенства, но и представителей служилого «чина» и «чина» торгового (Кром, 2018: 234). Важнейший вывод автора, который мы всецело поддерживаем, заключается в том, что «Русское государство, подобно своим аналогам в других странах Европы, строилось не только «сверху», но и «снизу», что было обусловлено специфическими особенностями складывания и функционирования Русского государства в эту эпоху (Кром, 2018: 235-236).

Выделим еще один важный, на наш взгляд, тезис исследователя. М.М. Кром пишет, что Русское государство в рассматриваемую эпоху «принадлежало к числу раннемодечных государств, но при этом в его экономике и социальных отношениях сохранялось немало архаических черт» (Кром, 2018: 237-238). Мы выделили этот тезис, потому что, на наш взгляд, переменны в политическом, социальном и ином устройстве Русского государства происходили постепенно, эволюционным путем (отсюда и долгое сохранение «старинны»). «Новины» медленно «прорастали» через «старину», и эта постепенность перемен, замаскированных к тому же апелляциями к «старине», позволяла долгое время избежать серьезных внутренних потрясений. Попытки же приостановить ход перемен или же ускорить их волевым решением, напротив, способствовали «великим потрясениям».

Вместе с тем автор отмечает и отличия Русского государства от его европей-

ских современников. Это и отсутствие слоя легистов-законников, игравших важную роль в формировании политико-правовых доктрин и повседневной административно-правовой практики в Западной Европе, начиная с эпохи высокого Средневековья. Это и иной экономический фундамент, на котором строилась хранина Русского государства – Московия раннего Нового времени была аграрным, слабо урбанизированным государством. Отсюда постоянный дефицит ресурсов, в том числе и финансовых. С этим дефицитом М.М. Кром связывает закрепощение податных групп населения. Но вот с чем мы снова не согласимся (см. выше), так это с утверждением автора, что по сходным причинам состоялось «второе издание» крепостного права в ряде государств Центральной и Восточной Европы.

Противоречиво выглядит и тезис М.М. Крома о полной покорности аристократии и дворянства царской воле. Сам автор неоднократно показывал в своей работе, что государство строилось не только «сверху», но и «снизу» и не могло функционировать без поддержки и опоры на «землю» и ее мнение. Как эта опора и поддержка на «землю» сочетаются с абсолютной, деспотической властью московских государей, которой, как считает М.М. Кром, они обладали, совершенно неясно. Неужели последние Рюриковичи владели секретом русской «политической квадратуры круга», «совместного действия деспотизма и свободы» (Ключевский, 1989: 203), тайным искусством управления, которое было утрачено ко временам Петра I?

Подведем общий итог нашим впечатлениям и родившимся под их воздействием размышлениям от новой книги известного историка. Автор «Рождения государства» предложил читателям оригинальную, достаточно стройную, хотя и не лишённую внутренних противоречий концепцию становления Русского раннемодечного государства. И в этом плане книга, безусловно, удалась, она стала заметным явлением в

современной российской, да и зарубежной тоже, историографии. Ни один из авторов, который в будущем будет писать что-либо на схожую тематику, не сможет обойтись без того, чтобы использовать выводы и положения, полученные М.М. Кромом в ходе работы над этой книгой.

Источники

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 586 с.

Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. 2. Витебск, 1871. 382 с.

Описи царского архива и архива Посольского приказа 1614 г. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 195 с.

Послания Ивана Грозного. СПб.: Наука, 2005. 716 с.

Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. М.: Знак, 2009. С. 315-355.

Тихомиров, М.Н. Краткие летописные записки эпохи опричнины / Тихомиров, М.Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. 1941. Т. 10. С. 88-92.

Литература

Аракчеев, В.А. Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.

Бовыкин, В.В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.

Живов, В.М. История русского права как лингвосомиотическая проблема. Postscriptum // Живов, В.М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 291-305.

Иванишев, Н.Д. Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. Т. II. Киев, 1849. 364 с.

Коллманн, Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.

Ключевский, В.О. Курс русской истории. Ч. II // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. II. М.: Мысль, 1987. 447 с.

Ключевский, В.О. Курс русской истории. Ч. IV // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. IV. М.: Мысль, 1989. 398 с.

Кром, М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.

Кром, М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей: Человек в истории. 2005. Время и пространство праздника. М.: Наука, 2005. С. 283-303.

Кром, М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.

Лисейцев, Д.В., Рогожин, Н.М., Эскин, Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 333 с.

Филлюшкин, А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1998. 352 с.

Франклин, С. Письменность и культура в Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 552 с.

Юрганов, А.Л. Опричнина и Страшный суд // Каравашкин, А.В., Юрганов, А.Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М.: Изд-во РГГУ, 2003. С. 68-115.

Krom, M. Les Réformes Russes du XVIe Siècle: Un Mythe Historiographique? // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2009. № 3. С. 561-578.

Strayer, J. On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton: Princeton University Press, 1970. 114 p.

Sources

Continuation of the Alexander Nevsky Chronicle (2009), PSRL. Т. XXIX [PSRL. Vol. XXIX], Znak, Moscow, Russia (in Russ.).

Dukhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV–XVI vv. [The testament and contractual letters of the great and apanage princes of the 14th–16th centuries], (1950), AN SSSR, Moscow-Leningrad, Russia (in Russ.).

Istoriko-yuridicheskie materialy, izvlechennye iz aktovykh knig gubernij Vitebskoj i Mogilevskoj. Vypusk 2 (1871) [Historical and legal materials extracted from the Assembly books

of the provinces of Vitebsk and Mogilev. Iss. 2], Vitebsk, Russia (in Russ.).

Opisi tsarskogo arhiva i arhiva Posol'skogo prikaza 1614 goda (1960) [Inventory of the Royal Archive and the Archive of the Embassy Order in 1614], Izdatel'stvo vostochnoj literatury, Moscow, Russia (in Russ.).

Poslaniya Ivana Groznogo (2005), [Messages of Ivan the Terrible], Nauka, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Tikhomirov, M. N. (1941), "Brief chronicle notes of the oprichnina era", in Tikhomirov, M.N. (ed.), *Maloizvestnye letopisnye pamyatniki XVI veka, Istoricheskie zapiski. T. 10.* [Little-Known chronicle monuments of the 16th century, *Historical notes.* Vol. 10], 88-92 (in Russ.).

References

Arakcheev, V. A. (2014), *Vlast' i "zemlya"*. *Pravitelstvennaya politika v otnoshenii tyaglykh soslovij v Rossii vtoroj poloviny XVI – nachala XVII veka* [Power and "land". Government policy in relation to the tax estates in Russia in the second half of the 16th – early 17th century], Drevlekhranilische, Moscow, Russia (in Russ.).

Bovykin, V. V. (2012), *Mestnoe samoupravlenie v Russkom gosudarstve XVI v.* [Local government in the Russian state of the XVI century], Dmitrij Bulanin, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Filyushkin, A. I. (1998), *Istoriya odnoy mistifikatsii: Ivan Groznyj i "Izbrannaya Rada"* [The Story of a hoax: Ivan The Terrible and "The Chosen Rada"], Publishing House of Voronezh University, Voronezh, Russia (in Russ.).

Franklin, S. (2010), *Pismennost' i kultura v Drevney Rusi* [Writing and culture in Ancient Russia], Dmitrij Bulanin, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Ivanishev, N. D. (1849), *Zhizn' knyazja Andreja Mikhaylovicha Kurbskogo v Litve i na Volyni* [The Life of Prince Andrei Mikhailovich Kurbsky in Lithuania and Volhynia. Vol. II], Kiev, Russia (in Russ.).

Klyuchevskiy, V. O. (1987), "The course of Russian history. Part II", *Klyuchevskiy, V.O. Sochineniya v 9 tomakh. Tom II* [Klyuchevsky, V. O. Works in nine volumes. Vol. II], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Klyuchevskiy, V. O. (1989), "The course of Russian history. Part IV", *Klyuchevskiy, V.O. Sochineniya v 9 tomakh. Tom IV*, [Klyuchevsky, V. O. Works in nine volumes. Vol. IV], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Kollmann, N. (2016), *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and Punishment in Early Modern Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Krom, M. (2009). "Les Réformes Russes du XVIe Siècle: Un Mythe Historiographique?" *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 3, 561-578 (in French).

Krom, M. M. (2005), "To Understanding Moscow "Politics" of the 16th Century: Discourse and Practice of the Russian Late Medieval Monarchy", *Odyssey: Chelovek v istorii. 2005. Vremya i prostranstvo prazdnika* [Odysseus: a Man in history. 2005. Time and space of the holiday], Nauka, Moscow, Russia, 283-303 (in Russ.).

Krom, M. M. (2010), *"Vdovstvuyushchee carstvo": Politicheskij krizis v Rossii 30 – 40-h godov XVI veka* [The Dowager Kingdom: The Political Crisis in Russia of the 30s and 40s of the 16th Century], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Krom, M. M. (2018), *Rozhdenie gosudarstva: Moskovskaya Rus' XV – XVI vekov* [Birth of the state: Moscow Russia XV - XVI centuries], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Lisejtsev, D. V., Rogozhin, N. M., Eskin, Yu. M. (2015), *Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI – XVII vekov. Slovar'-spravochnik* [Orders of the Moscow state 16th – 17th centuries. Dictionary-reference], Tsentr gumanitarnykh iniciativ, M.-SPb., Russia (in Russ.).

Strayer, J. (1970), *On the Medieval Origins of the Modern State*, Princeton University Press, Princeton, New Jersey.

Yurganov, A.L. (2003), Oprichnina and the Last judgment, *Karavashkin, A.V., Yurganov, A.L. Opyt istoricheskoy fenomenologii. Trudnyj put' k ochevidnosti* [Karavashkin, A.V., Yurganov, A.L. Experience of historical phenomenology. The hard way to evidence], RSUH Publishing House, Moscow, Russia, 68-115 (in Russ.).

Zhivov, V.M. (2002), "The History of Russian law as a linguistic and semiotic issue. Postscriptum", *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoj kul'tury* [The Search in the field of history and prehistory of Russian culture], Languages of Slavic culture, Moscow, 291-305 (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов:
автор не имеет конфликта интересов для де-
клараций.*

*Conflict of Interests: the author has no con-
flict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исто-
рических наук, профессор, кафедра теории и
истории государства и права, Юридический

институт, Белгородский государственный
национальный исследовательский универси-
тет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015,
Россия; penskoy@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaliy V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences,
Professor, Department of Theory and History of
State and Law, Law Institute, Belgorod State
National Research University, 85 Pobedy St.,
Belgorod 308015, Russia; penskoy@bsu.edu.ru